

Вскоре все трое предстали перед собравшимися на площади.

Увидев Фань Сюэпина, мужчина и женщина в простых домотканых одеждах разом ахнули:

— Сюэпин!

Юноша оцепенел. Он замер посреди площади, пока супруги торопливо бежали к нему. Они крепко обняли его, со слезами на глазах повторяя:

— Сюэпин, мальчик наш!

Фань Сюэпин стоял ни жив ни мертв, его лицо превратилось в безжизненную маску. Медленно, словно преодолевая сопротивление, он повернул голову к восседавшему на возвышении Хэ Чуншаню.

«Но как же так? — Сюэпин почувствовал, как немеют кончики пальцев. — Отец уверял меня, что свидетелей не осталось... Неужели он соврал?»

Супруги тем временем тоже подняли взгляды на Хэ Чуншаня. Мужчина заговорил — громко, отчетливо, так, чтобы его голос разнесся по всей площади:

— Глава Хэ, доброго здоровья. Надеюсь, вы пребываете в добром здравии.

Хэ Чуншань с трудом сохранял самообладание. Эти двое должны были гнить в могиле — он лично оборвал их жизни, чтобы замести следы и гарантировать тайну. Он не доверил это грязное дело никому другому.

«Как это возможно? — Хэ Чуншань не верил собственным глазам. — Я же лично прикончил их обоих!»

Кровь застыла в его жилах. Хэ Чуншань порывался вмешаться, нутром чуя: появление этих мертвецов в один миг разрушит все, что он так долго и кропотливо выстраивал. Но прежде чем он успел вымолвить хоть слово, незванный гость выпалил самое страшное:

— Глава Хэ! Когда вы забирали Сюэпина, то клялись, что он признает предков, вернется в лоно семьи и ни в чем не будет знать нужды! Почему же благородный бессмертный господин Цю говорит, будто в вашей школе никто и ведать не ведает, что Сюэпин — ваша плоть и кровь? Наша семья Фань пусть и пришла в упадок, но терпеть подобное бесчестье мы не станем! Если он вам не нужен, мы заберем мальчика обратно!

Площадь мгновенно взорвалась шквалом голосов. Ученики принялись возбужденно перешептываться, старейшины растерянно переглядывались, не веря собственным ушам. Чжао

Чжэньчжэнь побелела от ярости и уставилась на мужа испепеляющим взглядом. Наконец Седьмой старейшина Хун Минфэн нарушил молчание, обращаясь к мужчине:

— Почтенный, слова твои бьют наотмашь. Дело нешуточное. Можешь ли ты подтвердить свои обвинения?

— Мы с женой — главное свидетельство, — твердо ответил тот. — Сорок лет назад раненый глава Хэ бежал в Город Изогнутой Ширмы, где его выходила моя покойная сестра, Фань Нин. Меж ними вспыхнули чувства. С тех пор он под покровом тайны навещался к ней. Увы, сестрица отличалась слабым здоровьем и три года назад преставилась. Лишь перед кончиной бедняжки глава Хэ раскрыл нам свое истинное имя. Мы и тогда корили его за скрытность и малодушие — негоже мужу прятать лицо! Но он без конца давал обеты: клялся окружить Сюэпина заботой, ввести в школу и сделать преемником Школы Наполненных Созвездий...

Договорить ему не дали. На трибуне старейшин гроыхнуло так, что заложило уши. Не в силах более сдерживать ярость, госпожа Чжао Чжэньчжэнь с грохотом вскочила с места, взмахнув зажатым в руке духовным венчиком. Соседние старейшины едва успели перехватить ее руку, не позволяя развязать бойню прямо во время обряда.

Мужчина тем временем достал из-за пазухи искусно вырезанную нефритовую подвеску и высоко поднял её над головой:

— Вот памятный залог, что глава Хэ вручил моей сестре. К тому же каждый год он присылал дары на именины сестрицы и Сюэпина — все они по сей день хранятся у мальчика. По мне, так и доказывать тут нечего. Раз глава Хэ забыл свои клятвы, мы забираем племянника домой.

Он шагнул к Фань Сюэпину и потянулся к его запястью. Юноша испуганно отпрянул. Стиснув кулаки, он взмолился взглядом, а в душе яростно проклинал отца за то, что тот не сумел чисто убрать свидетелей и подставил его под удар перед всей школой. Однако, быстро взвесив все за и против, Сюэпин понял: не всё потеряно. Пожалуй, этот позорный скандал — его единственный шанс наконец-то заявить права на кровное родство!

Седьмой старейшина с прищуром воззрился на притихшего Хэ Чуншаня:

— Что скажете на это, глава Хэ? Изволите объяснитьсь?

Хун Минфэн давно точил зуб на главу. Всем было известно: не будь у Хэ Чуншаня за спиной влиятельной родни его супруги, госпожи Чжао Чжэньчжэнь, кресло главы школы никогда бы ему не досталось.

Опирается на глупое отпирательство, когда перед носом трясут уликами, было бессмысленно. Но Хэ Чуншань уже успел взять себя в руки.

— Фань Сюэпин действительно мой сын, — ледяным тоном отчеканил он. — Однако это дела моей семьи, и посторонним в них вмешиваться не дозволено.

— Ах ты мерзавец! — закричала Чжао Чжэньчжэнь, задыхаясь от обиды. — Хэ Чуншань, у тебя ни стыда ни совести! Как у тебя земля под ногами не разверзлась?!

Разъяренная женщина ринулась к нему с кулаками, но Хэ Чуншань лишь небрежно взмахнул рукавом. Заклинание сковало её прежде, чем она успела сделать шаг — госпожа Чжао застыла каменным изваянием, тщетно пытаясь выдавить хоть слово.

— Стало быть, Фань Сюэпин и впрямь приходится сыном главе школы... — протянул Первый старейшина. — В таком случае и список учеников золотой ступени доверия не заслуживает. Его придется пересмотреть.

— Одно другому не мешает, — отрезвил Хэ Чуншань. — Хэ Сюэчжэнь тоже мой сын, но это не мешало ему занять свое место. К тому же этот список мы утверждали сообща, со всеми десятью старейшинами. С какой стати нам менять его из-за пустых пересудов?

Он обвел тяжелым взглядом притихшую площадь и зычно скомандовал:

— Стража! Уведите этих двоих. Цю Хуало за срыв священной церемонии отправить под стражу, меру наказания определим позже. А теперь — продолжайте обряд!

Чета Фань безропотно подчинилась стражникам. Цю Хуало лишь стиснул зубы от обиды, а Первый старейшина недовольно нахмурился. Увы, возразить главе никто не решался. Старые мастера школы полегли еще сто лет назад, в пламени великой войны богов и демонов. В живых оставался лишь Третий старейшина — названный дядя Хэ Чуншаня, но тот давно отрешился от мирской суеты и все дни проводил в уединенных медитациях. Седьмой старейшина не имел достаточного веса, Десятый едва дышал от недугов, а прочие старейшины, бывшие когда-то братьями Хэ Чуншаня по оружию, теперь преданно заглядывали ему в рот. Идти против воли главы в одиночку было чистым безумием.

И тут над притихшей площадью зазвенел чистый, наполненный внутренней силой голос. Хэ Сюэчжэнь шагнул вперед:

— Позвольте словечко.

Взоры сотен учеников и старейшин разом обратились к старшему сыну главы.

— Замолчи! — рявкнул Хэ Чуншань, брызжа слюной от гнева. — Тебя никто не спрашивал!

Глава взмахнул рукой, намереваясь наложить такое же связывающее заклятие и на непокорного сына, но Первый и Седьмой старейшины среагировали мгновенно. Они заблокировали пасс Хэ Чуншаня, в один голос заявив:

— Пусть говорит! Мальчик имеет право высказаться.

Хэ Сюэчжэнь сохранял абсолютное спокойствие. Он неторопливо сошел по ступеням,

почтительно поклонился собранию и обратился к толпе:

— Всем моим братьям известно, что недавно я понес суровое наказание за то, что недоглядел за младшими учениками в походе. Но в этом деле осталась одна недосказанность, которую я бы хотел прояснить. Тварь — того самого личи-демона — на стоянку привел вовсе не случай. Его приманил Фань Сюэпин. Разумеется, я не виню младшего брата: виной всему моя собственная беспечность, я вовремя не уберег его от глупости. Однако мне отчетливо помнится, что наш дорогой Сюэпин рискнул жизнями соучеников ради спасения крошечного воробьиного демона. Я ведь не ошибся, младший брат? Или зрение подвело меня в тот день?

Фань Сюэпин обомлел. В голове его лихорадочно закрутились шестеренки, но он быстро справился с секундным замешательством и напустил на себя глубоко оскорбленный вид:

— Старший брат Сюэчжэнь... Я понимаю вашу обиду. Вы ненавидите меня за то, что отец любил мою матушку, ненавидите сам факт моего существования. Я не держу на вас зла. Но клеветать-то зачем? Опомнитесь! Как я, честный заклинатель, могу знаться с мерзкими тварями?

За те сто перерождений, что довелось пережить Хэ Сюэчжэню, ему не раз встречались миры совершенствующихся. Но мало где вражда между людьми и нечистью была столь беспощадной, как здесь. Местные демоны отличались первобытной жестокостью, и даже обретая человеческий облик, они не теряли своей дикой, кровожадной сути. Воробьиный демон Фань Сюэпина не был исключением — в её крохотном тельце дремала лютая злоба. От расправы над людьми её удерживали лишь слабость да нерушимые узы рабской печати.

Связаться с демоном в этом мире означало навлечь на себя всеобщее проклятие. В прошлой жизни Фань Сюэпин до последнего скрывал свою питомицу Линьюй, а когда тайна раскрылась, ублюдок уже набрал такую силу, что подступить к нему было невозможно. Но сейчас этот щенок еще слаб. Самое время нанести сокрушительный удар.

Из толпы тут же послышались сочувствующие выкрики прихвостней Сюэпина и простодушных дураков, падких на слезливые драмы:

— Верно говорит! Младший брат Сюэпин чист перед небом! Да, глава Хэ обошелся сурово с госпожой Чжао, но при чем тут юноша? Он ни в чем не виноват! Бедняжка столько лет рос без отцовского плеча, проявите милосердие!

Не обращая внимания на этот галдеж, Хэ Сюэчжэнь ровным голосом произнес:

— Мои слова — не пустой звук. Тварь прячется прямо сейчас на теле нашего безвинного младшего брата.

В глазах Сюэпина блеснули слезы. Он сглотнул подступивший к горлу ком и с дрожью в голосе воскликнул:

— Неужели старший брат требует, чтобы я разделся догола перед всем честным народом ради потехи? Если вы так сильно гневаетесь на меня — побейте, убейте! Но к чему эти грязные издевательства?

Линьуй действительно пряталась при нем — в крошечном пространственном артефакте-кольце, подаренном отцом. Эта редчайшая вещица, несмотря на свои мизерные размеры, обладала бесценным свойством удерживать внутри живых существ. Сюэпин был уверен: пока рядом отец, никто не посмеет обыскать его. Пространственный мешок надежно скрывал демоницу от чужих глаз, а значит, у него развязаны руки, чтобы выставить Сюэчжэня завистливым лжецом.

«Но откуда... откуда этот ублюдок прознал про Линьуй?» — ледяной холод пополз по спине Сюэпина.

Откуда Хэ Сюэчжэнь знал? Опыт прошлых жизней не пропьешь — в былых перерождениях он слишком часто видел, как сводный братец балуется с пространственными артефактами, чтобы теперь проглядеть очевидное.

Пусть многие техники из былых воплощений в этом мире спали мертвым грузом, Сюэчжэнь за плечами имел больше века полнокровной жизни заклинателя и статус законного супруга самого Достопочтенного Даньююаня. Навидавшись изощренных таинств и скрытых чар, он без труда мог вскрыть жалкий пространственный тайник и выволочь нечисть на свет божий.

Хэ Чуншань ничего не знал о воробьином демоне и искренне верил, что старший сын просто изливает желчь на невинного соперника. Взбешенный наглостью Сюэчжэня, он применил ментальное давление. Его голос, налитый духовной мощью, раскатисто ударил по ушам:

— Довольно! Хэ Сюэчжэнь, прекрати этот постыдный фарс!

Седьмой старейшина Хун Минфэн немедленно вскинул свой артефакт, гася чужую ауру. Столкновение двух невидимых волн породило оглушительный гул. По площади прокатилась упругая волна, от которой младшие ученики схватились за головы, а некоторых, послабее духом, вывернуло прямо на каменные плиты.

— Я знаю Чжэнь-эра с пеленок, — холодно бросил Седьмой старейшина. — Мальчик никогда не опустится до пустых наветов. И если этот выскочка Сюэпин действительно якшается с поганью, то пощады ему не будет.

— И где же твои доказательства? — хмыкнул другой старейшина из числа прихвостней главы.
— Или мы в самом деле заставим юношу оголяться перед толпой ради твоей прихоти? Глупости!

— Хотите зрелищ? Что ж, глядите в оба! — откликнулся Сюэчжэнь.

Пальцы Сюэчжэня сплелись в стремительном жесте. Не успел никто и глазом моргнуть, как он совершил резкий выпад, хлопнув ладонью прямо по лопаткам сводного брата. Раздался пронзительный птичий писк. Из пространственного браслета на запястье Сюэпина кубарем

вылетела серая пичуга. Ударившись о камни, она окуталась дымкой и обернулась испуганной девчонкой. Сюэчжэнь усмехнулся: перед ними стояла та самая мерзкая пернатая тварь из его прошлого.

Толпа дружно ахнула.

— Небеса пресветлые... Она и впрямь выпала из его кольца!

— Как старший брат Сюэчжэнь умудрился выбить её оттуда одним касанием?

— Да какая разница! Главное — Фань Сюэпин скрывал демона! Пригрел змею на груди!

Сильнее всех взъярился старший брат Цю Хуало. Вся его семья погибла от когтей нечисти, и сама мысль о союзе с демонами вызывала у него глухую ярость. Схватившись за рукоять меча, он рванулся к онемевшему Сюэпину, но соученики вовремя повисли на его плечах, не давая пролить кровь.

Сюэпин стоял ни жив ни мертв. Он уставился на распластавшуюся на плитах Линьюй, моля всех богов, чтобы девчонке хватило ума соврать и отречься от него. Тогда у него оставался бы шанс выкрутиться.

Но перепуганная птица лишь жалобно захлопала ресницами и, протянув к нему тонкие руки, пискнула:

— Хозяин... Помогите...

Горло Фань Сюэпина перехватило спазмом от ярости и бессилия. В этот миг он отдал бы все сокровища мира, лишь бы провалиться сквозь землю или лишиться чувств.

По лицу Хэ Чуншаня прошла тень. Каким бы искусным кукловодом он ни был, предугадать подобную катастрофу на празднике посвящения он не мог. Торжество обернулось сокрушительным позором.

Старейшины гудели, как растревоженный улей. Седьмой старейшина Хун Минфэн выступил вперед, пригвоздив юношу тяжелым взглядом:

— Ну что, Фань Сюэпин? Тварь признала в тебе хозяина. Как теперь запоешь?

Сюэпин в панике огляделся по сторонам и вдруг, ткнув пальцем в Сюэчжэня, истошно закричал:

— Это оговор! Старший брат сам подбросил её мне! Я знать не знаю, кто она такая!

На губах Сюэчжэня заиграла снисходительная усмешка. Братец совсем потерял голову от страха.

— Младший брат, ты, верно, запомнил, — вкрадчиво произнес он. — Раз уж она кличет тебя хозяином, вас наверняка связывает печать покорности. Насколько мне известно, Первый старейшина в совершенстве владеет искусством распознавания подобных уз. Что скажете, почтенный старейшина? Рассудите нас.

Фань Сюэпин смертельно побледнел. Вся краска разом схлынула с его лица.

«Клеймо раба... Как я мог забыть про клеймо?! Что делать, небеса, что мне теперь делать?!»

Разрыдавшись, он рухнул на колени прямо в грязь и пополз к ногам Хэ Чуншаня:

— Отец! Пощадите! Ваш глупый сын виноват! Она показалась мне такой беззащитной, вот я и пригрел её как питомца... Клянусь, Линьюй безобидна! Она никогда не проливала человеческой крови!

Хэ Чуншань лихорадочно соображал, как спасти тонущего ублюдка. Набрав в грудь воздуха, он громогласно зарычал:

— Фань Сюэпин! Недоумок! Как ты мог осквернить стены школы?! Если я прощу тебе подобное кощунство, как я буду смотреть в глаза предкам?! Наказание твое будет суровым: ты лишаешься звания ученика золотой ступени и отправишься в Зал Заповедей на бичевание! Демона же стереть в порошок немедленно! Что скажете, братья-старейшины?

На площади воцарилась тяжелая тишина. Старейшины хмурились, но помалкивали. Лишь Хун Минфэн вскипел от злости:

— Позор! За связь с нечистью устав школы велит с позором изгонять прочь! А ты, Хэ Чуншань, у всех на глазах выгораживаешь своего выродка! Какой из тебя после этого глава?!

Хэ Чуншань едва сдерживался, чтобы не стереть наглого старика в пыль. Честь его сегодня топтали нещадно. Подавив клокочущую ярость, он придал своему облику выражение скорбного раскаяния:

— Грех за дурное воспитание лежит на моих плечах. Я признаю свою вину и добровольно отправлюсь на три дня на Пик Падающего Грома под удары молний.

— Я готов понести кару! — запричитал Сюэпин, бясь лбом о камни. — Все грехи искуплю в Зале Заповедей!

Хэ Сюэчжэнь, наблюдавший за этой комедией со стороны, негромко обронил:

— Младший брат Сюэпин, неужели ты так просто откажешься от своей любимицы? Ведь если

тебя изгонят из школы, её жизнь будет спасена. Сможешь ли ты уберечь её за пределами наших гор — иной вопрос, но по крайней мере её не казнят здесь и сейчас.

Услышав это, воробьиный демон понял, что её песенка спета. Дрожа от страха, она вцепилась мертвой хваткой в подол Фань Сюэпина:

— Хозяин! Пожалуйста, умоляю, уйдемте отсюда! Заберите меня с собой! Ваши дядя и тетя звали нас в дом Фань, помните? Мы уедем к ним, уедем вместе, прошу вас!

Фань Сюэпин скорбно посмотрел на неё. Из его глаз выкатилась одинокая слеза, однако пальцы его действовали на редкость хладнокровно — он медленно, нитку за ниткой, разжал девичьи пальцы и высвободил свои одежды.

Девчонка оцепенела от ужаса. Она не верила своим глазам: ласковый, заботливый хозяин, что клялся ей в любви, хладнокровно предавал её на казнь.

— Хозяин... — прошептала она, и страх в её голосе сменился горькой обидой. — Неужели вы забыли о рабской печати? Наши судьбы сплетены воедино! Если меня убьют, обратный удар заклятия искалечит и вас!

Из толпы учеников донесся издевательский хохот:

— Сказок наслушалась, дура нечистая? Если бы откаты били по хозяевам, никто в здравом уме не стал бы заводить духовных питомцев! Рабская печать устроена иначе: это щит, который сожрет твою никчемную жизнь, чтобы спасти хозяина от гибели!

В один миг отчаяние на лице Линьюй сменилось дикой, первобытной ненавистью.

Всё это время он врал. Фань Сюэпин просто держал её как живой громоотвод.

<http://bllate.org/book/18268/1750894>